

Сергей Васильевич Максимов

Год на Севере

3-е дополненное издание

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С32

С32 **Сергей Васильевич Максимов**
Год на Севере: 3-е дополненное издание / Сергей Васильевич Максимов – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 698 с.

ISBN 978-5-4241-8968-5

ISBN 978-5-4241-8968-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

8. Островъ Болгуевъ.

Слухи объ немъ.—Настоящее его значеніе и физическій видъ.—Промыслы птицъ: гусей, гагаръ, утокъ.—Исторія заселенія острова.—Самобдскія семьи на Болгуевъ.—Шницбергенъ.—Груманландская пѣсня . . . 516

9 Берестяная Книга 534

II.

ПОВѢДКА ПО РѢКѢ МЕЗЕНИ

Подробности пути. — Преданіе о разбойникахъ. — Преданія о Чуди. . . 551

III.

ПОВѢДКА ПО РѢКѢ ПИНЕГѢ.

Городъ Пинега.—Красногорской монастырь. — Преданія о князь В. В. Голыцинѣ. Веркольской монастырь Икота. Дѣло о порчѣ, сохранившея въ уздномъ судѣ. — Пути для дѣсной птицы. . . . 582

IV.

ПОВѢДКА ПО РѢКѢ ДВИНѢ

1. Двинскія устья и окрестныя съ Архангельскомъ селенія.

Никольской Корельской монастырь. — Новодинская крѣпость. — Соломбага. 599

2. Архангельскъ.

Его исторія и настоящій характеръ города, по личнымъ наблюденіямъ 618

3. Холмогоры съ окрестностями.

Исторія города. — Посвященіе Петра-Великаго. — Исторія заточенія браунштейгскаго семейства. — Преданія о Ломоносовѣ и мѣсто его родинѣ. — Село Вавчуга. — Баженинъ и преданія о Петрѣ I. — Путь на Холмогоры. — Развалины крѣпости Орлеца. — Упраздненные монастыри 638

4. Сійской монастырь.

Исторія основанія. — Преподобный Антоній. — Преданія и исторія заключенія Филарета Никитича. — Обратный путь изъ Архангельской губерніи въ С. Петербургъ 676

ГОДЪ НА СЪВЕРЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БЪЛОЕ МОРЕ И ЕГО ПРИБРЕЖЬЯ.

БѢЛОЕ МОРЕ И ЕГО ПРИБРЕЖЬЯ.

I.

БЕРЕГА: ЗИМНИЙ И МЕЗЕНСКОЙ.

Общій физическій видъ этихъ береговъ. — Городъ Мезень и его исторія. — Первые впечатлѣнія города. — Фестды съ туземцами объ обычаяхъ домашней и общественной жизни. — Гаврило Васильичъ — Моя поѣздка въ село Долгощелье и въ деревушку Сѣмжу. — Фздовые олени. — Подробности промысловъ за морскими звѣрями. — Крупная порода тюленей; способы ихъ ловли. — Промыселъ выволочной. — Примѣты. — Морская цынга. — Уроdlивость тюленьяго рода.

Сѣверо-восточный берегъ Двинскаго залива и юго-восточный берегъ Горла до устья Мезенскаго залива Бѣлаго моря издавна носитъ названіе Зимняго берега и по картамъ, и на языкѣ туземцовъ. Не имѣя ни одной значительной величины губы, «берегъ этотъ (по словамъ автора «Гидрографическаго описанія сѣвернаго берега Россіи», г. Рейнеке, песчано-землистый съ небольшими глинистыми прикрутостями, сажень до десяти высотой, имѣющими измѣнную подошву: *залескъ* или *забережье*; отлогой берегъ около краевъ покрытъ песчаными холмами. Примѣчательнѣйшая изъ прикрутостей находится при сѣверномъ край Двинскаго залива, на заворотѣ Зимняго берега, и называется *Зимними горами* *) Этотъ утесъ, до 40 или 50 сажень

*) Въ нихъ обыватели деревни Мудюги выламываютъ плиты (до 4 футовъ въ діаметрѣ и 1 ф. толщиною) точильнаго камня. Плиты эти продаются въ Архангельскѣ по 1½ руб. сер. за камень.

высотой, состоятъ изъ зеленоватой глины и мѣстами прорѣзанъ горизонтальными слоями песчаника. Надъ нимъ пологія горы, до 20 сажень высотой, разрѣзаны нѣсколькими оврагами. Въ прочихъ мѣстахъ отъ устья Двины до Мезенскаго залива хребетъ прибрежныхъ горъ не выше 30 сажень; онъ покрытъ разнаго рода лѣсомъ, который къ сѣверу постепенно рѣдѣетъ и около рѣки Майды переходитъ въ кустарникъ.

Несмотря на грозное прозваніе горъ растительность ихъ напоминаетъ о югѣ: природа какъ бы истощаетъ послѣднія силы для того, чтобы оживить страну и показать свое могущество. Если море здѣсь не такъ богато и даетъ напр. только двустворчатыя раковины, въ которыхъ продаются сухія краски, и только эти раковины,—за то на юго-западныхъ покатоствахъ горъ красуются роскошныя піоны вышиною въ четыре фута, акониты (борцы) представляются на этихъ скатахъ въ густой зелени, съ листьями въ полтора фута въ діаметрѣ. Но это прощальный взглядъ природы, послѣдняя улыбка ея: передъ смертью она еще пестритъ голову свою на покатоствахъ горъ красивыми цвѣтами дикой розы и нѣжными голубыми гроздьями болдырьяна. Но еще шагъ на сѣверъ, — и все мертво и безцвѣтно. Къ берегу моря низкіе лѣса смѣняютъ эти полу южныя растенія. Море выбросило на берегъ только то, что оно долго носило по волнамъ своимъ: истертое, измятое и видоизмѣненное совершенно. Даже можжевелникъ, который растетъ на сухой и неплодной почвѣ, имѣетъ здѣсь желто-зеленой, болѣзненный видъ. Ширина березки втрое превосходитъ высоту.

Жители этого берега—потомки первыхъ поселенцовъ сѣверныхъ мѣстъ Россіи, новгородцовъ — издавна пріобрѣтаютъ средства къ своему существованію преимущественно въ промыслѣ морскаго звѣря. Средоточіемъ этихъ промысловъ можно считать прибрежья Мезенскаго залива, и именно городъ Мезень и сосѣднія съ нимъ селенія, въ особенности село Долгощелье и деревню Сѣмжу. Такъ говорятъ факты; къ тому же приводятъ и результаты личныхъ внимательныхъ наблюденій. Обращаюсь къ послѣднимъ.

Городокъ Мезень нашолъ я, въ срединѣ ноября мѣсяца 1856 года, уже закиданномъ глубокими снѣгами, давшими мнѣ возможность, при крѣпкихъ, постоянныхъ морозахъ, проѣхать по тундрѣ изъ Пинеги на Кулой прямо, не дѣлая огромнаго крюка

по такъ называемой Нижней Тайболѣ. Хуже плохого села нашихъ великорусскихъ губерній глядѣлъ этотъ дальній городокъ, случайно превратившійся изъ бѣдной слободы Окладниковой въ уѣздный городъ Архангельской губерніи. До сихъ еще поръ, правда, городъ этотъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Слободы Большой (въ отличіе отъ Малой Слободы — печорской Усть-Цыльмы); до сихъ еще поръ великъ тотъ пустырь, незастроенный домами, который отдѣляетъ ближайшую къ Окладниковой слободу Кузнецову, долженствующую входить въ черту города Мезени, названнаго такъ по рѣкѣ, протекающей возлѣ; до сихъ еще поръ свѣжо въ народѣ историческое преданіе о первоначальномъ заселеніи мѣста, занимаемаго теперь городомъ. Два новгородца—Окладниковъ и Филатовъ—явились первыми къ устью рѣки Мезени и первыми положили здѣсь начало заселеніямъ: одинъ тамъ, гдѣ теперь городъ Мезень, другой выселился ближе къ морю, туда, гдѣ теперь раскинулась деревушка Сѣмжа. Оба новгородца явились съ семьями и съ доброю волею противостоятъ негостепріимному климату и всевозможнымъ лишеніямъ и—оба устояли. И тотъ, и другой заручились грамотами Грознаго Царя и правами «копоти на великаго государя слободы и съ песковъ и рыбныхъ ловищъ и съ сокольныхъ и вречатыхъ садбищъ давати съ году на годъ великому князю оброки». Окладниковъ явился на новое мѣсто своего жительства съ пятью сыновьями и съ иконою Нерукотвореннаго Спаса. Икона эта долгое время переходила отъ одного лица къ другому, пока не сбереглась въ рукахъ какого-то безвѣстнаго отшельника, жившаго въ пустынькѣ на морскомъ берегу при устьѣ рѣки Хорговки, и пока не была перенесена отсюда (въ 1663 году) въ Спасскую церковь Кузнецовой слободки. Копились между тѣмъ годы и десяти лѣтъ на столѣтія, копились и объ слободки на государей, вблизи *Студенаго моря окияна*. При царѣ Михаилѣ въ Окладникову слободу наѣзжалъ уже кеврольской воевода, для сбора подати съ туземцовъ и ясака съ самоѣдовъ. Самоѣды въ опредѣленное время приходили сюда и издавна уже имѣли по близости (въ 20 верстахъ, по дорогѣ въ Канинскую тундру, на мѣстѣ, носящемъ названіе Кузьмина передѣска) главное свое молибище. Въ немъ, въ 1825 году, сожжено было миссіонерами болѣе ста идоловъ и разрушено обширное требище. Въ 1703 году строилась въ слободѣ церковь

Богоявленія; въ 1718—другая церковь, Рождества Богородицы; вскорѣ затѣмъ поставлены были въ разныхъ мѣстахъ девять крестовъ (свято хранимыхъ въ настоящее время) въ память объ жестокой зимѣ, стоявшей до 24 мая, когда едва не вымерзло все живущее въ городѣ. Въ 1736 году привезена была въ Огладникову слободу, отдѣльная отъ кеврольской, воеводская канцелярія капитаномъ Степаномъ Нѣмецкимъ; въ 1780 году объ слободы (Кузнецова и Огладникова) по рѣкѣ названы городомъ Мезенью и получили въ гербъ красную лисицу въ серебряномъ полѣ; а въ 1808 году жители вновь-нарѣчоннаго города потерпѣли новое бѣдствіе отъ сильнаго разлитія рѣки и разбрелись бы по сосѣднимъ селеніямъ, если бы правительство не выдало имъ пособія въ 10,000 руб. асс. Бѣглыми изъ Сибири и остроговъ, преступниками и московскими и другими раскольниками населились ближайшіе къ Мезени лѣса и селенія, и стоитъ теперь уѣздной городъ Мезень, обложившись множествомъ большихъ и малыхъ деревень и неудобною къ обитанію тундрю, со своимъ уѣздомъ, больше котораго по пространству и меньше по населенности нѣтъ уже на всемъ громадномъ протяженіи Великой Россіи.

Вотъ, такимъ образомъ, все бѣдное событіями прошедшее города Мезени, который мрачно глядитъ теперь своими полуразрушенными домами, своими полусгнившими, непочиненными церквями. Ряды домовъ, брошенныхъ безъ всякой симметріи и порядка, наводятъ тоску; всѣ почти дома пошатнулись на сторону и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже надломились по серединѣ и покосились въ противоположныя стороны; сѣзды, выходящія, по обыкновенію всѣхъ русскихъ деревень, на улицу, здѣсь обломились и погнили; ворота, которыя давно когда-то, можетъ быть, выпускали на эти сѣзды бойкую лошадку изъ (уничтожившейся уже въ настоящее время) породы мезенокъ, какъ-то глупо, безцѣльно торчатъ высоко подъ крышей и наглухо заколочены; навѣсы надъ длинными задворьями обломились, и самыя стѣны этихъ дворовъ рухнули, сгнили, а можетъ быть, и истреблены въ топливъ. Мостки подлѣ домовъ также погнили и, не поправленные, провалились; мосты по улицамъ тоже не менѣе тоскливаго вида и безцѣльнаго существованія. Банями глядятъ дома бѣдняковъ, остатками мамаева разгрома—тома болѣе достаточныхъ; но—три кабака новенькихъ; но каз-

начейство, на этотъ разъ, выстроенное за городомъ, непремѣнно каменное, и два-три дома, вѣроятно, туземныхъ монополистовъ, съ расписанными ставнями, съ тесовой обшивкой, съ длиннымъ и крытымъ дворомъ позади. По улицамъ бродятъ съ саночками самоѣдки, съ дѣтьми въ рваныхъ малицахъ, вышедшія отъ крайней скудости *на нѣбѣ*; изъ туземцовъ не видать ни души: можетъ быть, холодъ, закрутившій 28 граду-сами, тому причиной; можетъ быть, нѣтъ никого дома и всѣ на промыслахъ...

Но говорунья старушка-хозяйка, явившаяся въ дырявомъ крашенинномъ сарафанѣ и доставшая мнѣ самоваръ у сосѣдей, говорить, что промысламъ теперь быть не время: еще-де Никола не пришло.

— Гдѣ же большаки ваши, мѣщане мезенскіе?

— Да вишь у насъ теперь ярмарка...

— Гдѣ же она? не видать ни народу, не слышать ни шуму, ни крику. Это что-ли, бабушка, торговцы-то?

Въ окно видны бѣгущіе по улицѣ цѣлые-аргиши: множество оленьихъ санокъ, одніѣ за другими, нагруженныя обледенѣлыми бочками.

— Это пустозера, отвѣчаетъ хозяйка: — на Никольску на Волокъ (въ Пинегу) ладятся... съ рыбой и со всячиной. Эти у насъ и воровъ не развязываютъ.

— Гдѣ же ваша-то ярмарка?

— А нашей не видать: по домамъ торгуютъ; коѣ свои же, кто съ достаткомъ, коѣ съ Волока наѣзжаютъ. Человѣкъ съ пятокъ есть-ли полно всѣхъ-то торговыхъ?

— А народъ-отъ гдѣ, бабушка? никого не видать.

— Повремени: можетъ, кто и пройдетъ.

— Нѣтъ, бабушка, скученъ вашъ городъ, бѣдень...

— Да ужъ и захотѣлъ ты отъ нашей слободы!

— Хуже, хозяйюшка, я и городовъ не видывалъ, а проѣхалъ на вѣку своемъ больше сотни.

— Задвѣнная сторона наша, задвѣнная, желанной! Къ морю съѣли близко, хлѣбушко не родится; что въ морѣ упроемыслимъ, то и наше: времена-то вишь нонѣ крѣпко-тугя. Эдакихъ, кажись, никогда не бывало.

— Отчего же такъ, бабушка?

— Да вишь аглечькой въ лѣтошной годъ приходилъ—бало-валъ шибко; много онъ на насъ напустилъ напастей всякихъ...

— А вѣдь онъ къ Мезени вашей не подходилъ...

— Не подходить-то не подходилъ: это слово твое вѣрно. Въ губѣ вишь онъ стоялъ: рѣка знать его наша не подпустила. Мелководна вѣдь она у насъ, продти-то ему знать не подсилу было. А все же таки, родимой мой...

Старуха замолчала и подперлась локоткомъ.

— Чего, бабушка?—подстрекнулъ я.

— Не пускалъ онъ, родимой, въ море-то не пускалъ: про-мысла-то и затянулись, да года на два промысла-то наши за-тянулись! Стоить онъ—рогонъ ему вострой!—а прибыли намъ оттого нивакой нѣту: ну и исхудали, измаялись временемъ тѣмъ.

— Чѣмъ же жили-то вы, бабушка, во все это время, пи-тались чѣмъ?

— Да сѣмущу въ рѣкѣ ловили, навагу опять, тѣмъ и пи-тались. Рыбинка-то аглечькова тоже не слушалась; ее-то ему не пропустить нельзя было. Противъ божьяго соизволенія не пойдешь. Рыбину-то онъ и пропустилъ къ намъ, *стрѣле* бы ему въ бока его басурманскіе!—право, оваянному!..

— Не хочешь ли вотъ лучше чайку, бабушка? что бранить-ся-то: прошлаго вѣдь—сказано—не воротишь.

— Правда твоя, батюшко, правда! А на чайку на твоємъ благодарствую.

— Что же такъ, хозяйшка?

— Да я вѣдь изъ мірскихъ-то чашекъ не пью. Велишь, по свою сбѣгаю внизъ?

— Сдѣлай милость. Посидимъ—потолюемъ!

И эта хозяйка, какъ и много другихъ на лѣтнемъ пути мо-емъ, оказалась чашницей.

— Не пью я съ мірскими-то, говорила она мнѣ, вернув-шись. Не пью по родительскому по завѣту, какъ вотъ себя ни помню. Такъ и малолѣткой учили. Я вѣдь и все остальное — правдой тебѣ говорить надо—по старинѣ правлю.

— Что же еще-то такое ты по старинѣ правишь?

— А вотъ старымъ крестомъ крещусь... экимъ.

И старуха сложила на перстахъ аввакумовскій, дониконов-скій крестъ.

— Ну, а еще-то что же, бабушка?